

Кость Меча.

Когда эти четыре слова сорвались с губ Му Тяньчэня, воздух в тихой комнате, казалось, застыл.

Му Ваньцин инстинктивно коснулась запястья своей левой руки — именно там на протяжении трех сотен лет таился источник её мучений, а заодно и единственная незримая нить, связывавшая её с Ним.

Та трещина в Основе Пути, считая воедино мечом Повелителя Меча Пожирающей Луны, та непохожая ни на что другое Кость Меча...

Краска полностью сошла с её лица, губы слегка задрожали, не в силах вымолвить ни слова.

— В родовой нефритовой табличке предка также говорится... — с трудом сглотнув слюну, продолжил Му Тяньчэн. — Она писала, что это Демоническое Семя Сердца Дао связано с её кровной линией, и родиться с ним на сможет лишь тот, кто обладает кровью рода Му и чей Путь изначально неполнен. Семя будет неустанно иссушать жизненные силы и эмоции носителя, питаясь ими. Из-за этого носитель вырастает хворым, а в дождливые ночи, когда дыхание инь достигает предельной силы, он испытывает пронзающую, доходящую до костей боль.

Каждое слово падало тяжелым молотом, нанося удар в самое сердце Му Ваньцин.

Вот оно как.

Оказывается, её болезненность с малых лет вовсе не была врожденной слабостью.

Оказывается, в те бесчисленные дождливые ночи на протяжении трехсот лет, что приносили ей невыносимые страдания, терзали её душу не только трещины в Основе Пути, но и это проклятое Семя Демона!

Её предки ради сохранения искорки передачи наследия поистине... поистине использовали кровь собственных потомков в качестве почвы для взращивания демонического семени!

До чего же это жестоко!

— Она также говорила... — Голос Му Тяньчэня стал еще более надломленным и хриплым. — Она говорила, что сей метод невероятно опасен. Если в нужный момент Семя Демона не извлечь должным образом и не «поселить» в новое Сердце Дао, в конце концов оно поглотит всё в носителе, превратившись в истинного, всесокрушающего демона несравненной мощи. И этот самый момент наступит тогда...

Он не договорил, но и я, и Му Ваньцин уже всё поняли.

Этот момент наступил — когда вернулся реинкарнатор Повелителя Меча Пожирающей Луны.

Этот метод заключался в том, что я — тот самый человек, что некогда собственноручно указал Му Яо путь, — должен был возглавить этот ритуал сотворения Демонического Семени Сердца Дао.

Всё это оказалось лишь трехвековой расстановкой сил.

Чудовищной, грандиозной авантюрой, где ставкой служила кровь, а доской — само время.

Тело Му Ваньцин качнулось, лицо побелело, словно чистый лист бумаги. Она посмотрела на меня, и в её глазах читались растерянность, боль и капля гнева от осознания обмана.

Все эти годы она искренне верила, что та трещина была её сокровенной, неповторимой тайной с Ним, мучительной, но бесконечно дорогой узами связанной связью.

Теперь же выяснилось, что она была всего лишь... сосудом в этом грандиозном замысле. Жалким сосудом, возвращающим демоническое семя в ожидании возвращения истинного хозяина, который пожнет плоды.

— Так кем же я тогда являюсь? — пробормотала она себе под нос, и в её голосе послышался срывающийся плач. — Годной... печью для культивации, прожившей триста лет?

— Нет.

Я посмотрел на её взгляд, готовый разбиться вдребезги, и решительно прервал её:

— Ты не печь.

Я поднялся с постели и подошел к ней. Из-за того, что тело еще не до конца окрепó, движения казались немного замедленными, но каждый шаг был твердым.

Глядя прямо ей в глаза, я заговорил тоном, исполненным невиданной доселе серьезности:

— Му Яо в одном просчиталась.

Она думала, что заключить Семя Демона в твоём теле и подавить его моим мечом — значит гарантировать безупречность плана. Но она не учла, что человеческие сердца не могут быть пешками для расчетов. За триста лет, что Семя Демона провело в тебе, оно впитало не просто

твою жизненную силу — оно впитало твои чувства, твои навязчивые мысли, твою боль и... твоё трехвековое ожидание меня.

Оно уже давно перестало быть тем чистым Демоническим Семьей Сердца, которое оставила Му Яо.

Ты сама, потратив триста лет времени, выплавил и превратил его в нечто, принадлежащее исключительно тебе — Му Ваньцин.

Мои слова прозвучали лучами света, рассеявшими туман в её душе.

Му Ваньцин резко подняла голову и ошеломленно уставилась на меня.

Мое... творение?

— Именно так, — я кивнул. — Теперь это твоя сила и твой собственный внутренний демон. Забирать его или нет, и каким образом — решать только тебе, а не мне и тем более не твоим предкам.

Я поведал тебе всё это сегодня вовсе не затем, чтобы что-то у тебя отнять. Я хочу дать тебе выбор.

Я протянул руку ладонью вверх, остановившись прямо перед ней.

Выбор первый: я могу помочь тебе полностью уничтожить это Семя Демона. С той минуты тебя больше никогда не потревожит пронзающая до костей дождливая боль, а я своей первородной энергией меча заново вылеплю твою Основу Пути, позволив стать самой обычной, но безмятежной и счастливой монахиней.

Выбор второй, — я сделал паузу, и взгляд мой углубился, — ты принимаешь его, смотришь ему в лицо и обращаешь в свою пользу. Я обучу тебя подлинному Канону Хэхуань Пожирающей Луны и тому, как взрастить Демоническое Семя Сердца Дао. Тогда ты ступишь на путь, куда круче и мощнее удела твоих предков, но этот путь усеян терниями, и выжить на нем — один шанс из девяти.

В тихой комнате вновь воцарилось молчание.

Му Тяньчэн с тревогой глядел на собственную дочь, его губы шевелились, словно он хотел что-то сказать, но в конце концов он промолчал. Мужчина знал: этот выбор Му Ваньцин должна сделать сама.

Она опустила голову, глядя на мою протянутую руку.

Ее взгляд скользнул от моих бледных, но сильных пальцев к шрамам от Печали Рабства на запястье, скрытым под печатью души, и наконец остановился в моих чистых и искренних глазах.

В этом взоре не было ни жадности, ни корыстного расчета — лишь спокойное уважение.

Он не воспринимал её как сосуд.

Он действительно дал ей право выбора.

Триста лет ожидания, триста лет боли, триста лет одержимости... неужели всё это перечеркнуть и превратиться в самую «обыкновенную» монахиню?

Нет.

Она не желала мириться с этим.

Если все эти муки были лишь ради того, чтобы триста лет спустя обрести право встать рядом с ним и сражаться плечом к плечу...

Тогда эта боль стоила того.

Одна чистая слеза скатилась с её уголка глаз, упав на мою ладонь и обжигая её теплом.

Она подняла голову, и хотя на лице еще оставались следы слез, в глазах уже зажглась непоколебимая решимость.

— Я выбираю второй путь.

Она не положила ладонь в мою руку, но вместо этого крепко сжала мою руку своей правой.

Её рука была слегка прохладной, но полной силы.

— Повелитель Меча, — произнесла она, глядя мне прямо в глаза и чеканя каждое слово. На этот раз она обошлась без почтительного обращения, выбрав более близкое и в то же время решительное. — Мою жизнь спас ты. Мой Путь даровал мне ты. С этого момента Му Ваньцин готова стать мечом в твоей руке и сразить любого врага, что осмелится посягнуть на тебя!

Видя огонь в её глазах, я понял: та юная дева, что хлестала меня плетью у клетки, та девушка, что защитила меня в смертельный час, наконец нашла свой собственный «Путь».

Я ответил на её рукопожатие и кивнул:

— Хорошо.

И в тот самый миг, когда мы заключили этот уголок, грянули непредвиденные перемены!

Внезапно, без всякого предупреждения, из Кости Меча на запястье Му Ваньцин хлынула ужасающая, непроглядно-черная демоническая ци!

В этой ци бурлили свирепость, жадность и жажда разрушения — словно жуткий зверь, томившийся в заточении бесчисленные эоны, наконец вырвался из клетки!

— Плохо! — лицо мое переменялось.

Это Семя Демона!

Оно прочувствовало колоссальные перемены в душевном состоянии носителя и чистое дыхание Меча Пожирающей Луны во мне, проснувшись прежде срока и пытаясь пожрать хозяйку!

— А-а-а! —

Му Ваньцин издала пронзительный крик боли. На её левом запястье, прямо на месте киноварной родинки, кожа начала трескаться покроенными лоскутами, и черные демонические узоры, словно живые существа, безумно поползли вверх по её руке, в мгновение ока оплеля половину тела!

Её глаза мгновенно стали угольно-черными — не осталось видно даже белков, а во взгляде засквозила нечеловеческая, ледяная злоба.

От неё пахло удушающей, гигантской мощью! По силе эта аура превосходила даже прежнего старейшину наказаний Тяньцюаня!

— Хе-хе-хе... —

Из уст «Му Ваньцин» вырвался жуткий, сдвоенный смех, от которого кровь стыла в жилах.

— Триста лет... ровно триста лет прошло...

— Пожирающий Луну... ты наконец-то вернулся...

— Ты думаешь, что явился забрать это семя обратно? О нет, ты пришел... чтобы стать моей новой пищей!

Она резко взмахнула рукой, и чудовищная волна силы отбросила мое и без того слабое тело назад. Я со всего маху врезался в стену, во рту тотчас зашипало, и из горла фонтаном хлынула кровь.

Му Тяньчэн в ужасе вскричал:

— Ваньцин! Что с тобой!

Он бросился вперед, но «Му Ваньцин» небрежным взмахом руки выпустила поток мощной демонической ци, отбросив отца словно пушечное ядро — тот с грохотом проломил стену тихой комнаты.

— Шумные муравьи.

«Му Ваньцин» повела шеей, раздался хруст суставов. Её черные глаза намертво приковались ко мне.

— Это тело слишком слабо. Впрочем, твое «реинкарнированное тело» хоть и слабо тоже, но зато твоя душа — пресветлое лакомство...

Она шагнула ко мне, и с каждым её шагом каменный пол под ногами разъедала демоническая ци, превращаясь в обугленные разводы.

Прислонившись к стене, я с трудом приподнялся.

Ситуация оказалась в десять тысяч раз хуже, чем я предполагал!

Это Семя Демона, пробыв в теле Му Ваньцин триста лет, впитало слишком много её негативных эмоций и навязчивых идей, породив собственный злобный разум!

Оно вовсе не собиралось ждать, пока его срежут — оно поджидало удобного мгновения, чтобы сожрать хозяйку и меня, истинного хозяина!

[Хозяин! Аутра этого демона... так сильна! У него уже есть собственный «Путь»!] — в голосе Души Меча звучал чистый ужас.

Я вытер кровь с уголков губ, глядя на эту одновременно близкую и чуждую «Му Ваньцин», чувствуя, как внутри всё леденеет.

Му Яо, ну ты и безумная женщина.

То, что ты оставила после себя — вовсе не искра наследия.

Ты вырастила своими потомками, их плотью и душой... истинного монстра несметной силы!

— Иди же сюда, Пожирающий Луну. — «Му Ваньцин» уже подошла вплотную, протягивая руку, оплетенную черными узорами, к моему горлу. — Стань частью меня, давай... сольемся воедино!

И в тот самый миг, когда холодные кончики пальцев едва не коснулись моей кожи...

Дзень! —

Чистый, звонкий удар колокола неожиданно раздался снаружи горных врат Секты Радости и Гармонии.

Звук этот был не громким, но казалось, будто он ударил в самые глубины души.

Движения «Му Ваньцин» резко замерли, а в её угольно-черных глазах впервые промелькнули капля опасения и... отвращения.

Она круто повернулась, глядя в сторону горных врат.

Я тоже почувствовал это сердцем, с трудом приподняв голову и устремив взгляд сквозь проломленную стену в далекое небо.

Там, за горными вратами Секты Радости и Гармонии, бог весть откуда появился человек.

Монах.

На нем были простые серые монашеские одежды, на ногах — соломенные сандалии, а в руках он держал совершенно ничем не примечательные чётки.

Он был совсем молодым, с красивым лицом, исполненным величественного спокойствия, а в его глазах, казалось, таились безграничное милосердие и мудрость.

Он просто тихо стоял там, но казалось, будто он стал центром всего мироздания. Окружавшая его демоническая ци при его приближении отступала прочь, словно встретив заклятого врага.

— Намо Амитабха.

Монах сложил ладони у груди и слегка поклонился в сторону «Му Ваньцин».

Его голос, мягкий и безмятежный, отчетливо прозвучал в ушах каждого из нас.

— Демон, триста лет не виделись.

— Как твои дела?

<http://bllate.org/book/19533/1915346>